

Бек Сахаров

**ВРЕМЯ
СОЛНЦА**

16+

Бек Сахаров
Время солнца

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Саха́ров Б.

Время солнца / Б. Саха́ров — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Столярный мастер возраста Христа по имени Бек, родившийся в Рождество, прилетает на последние деньги в Нью-Йорк, чтобы воскресить растоптанную мечту или умереть, и становится случайным свидетелем падения джипа с моста автомобильной развязки. Истекающий кровью мужчина, преследуемый brutальными парнями, просит Бека срочно отвезти в аэропорт какой-то чрезвычайно важный документ. Бек и представить себе не может, как глубоко взаимосвязано всё, что его окружает, и какую глобальную тайну хранит загадочный документ...

Содержание

День первый	6
День второй	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бек Сахаров

Время солнца

Молодым людям возраста Христа посвящается

*Не иди по течению, не иди против течения,
иди поперёк него, если хочешь достичь берега.
Китайская мудрость*

День первый Пятница, тринадцатое

1. Триггер

Пятница тринадцатого ноября две тысячи девятого года выдалась солнечная и тёплая. Выпавший накануне первый снег растаял за ночь, словно нелепое недоразумение, не оставив и следа. Газоны снова были зелёными, а асфальт сухим и местами даже пыльным.

В начале одиннадцатого часа по улицам Бруклина катил серебристый джип «Тойота-Фораннер». За рулём сидел рослый короткостриженный мужчина средних лет. Его грубое квадратное лицо было перекошено гневом. Он прижимал к уху мобильник и разъярённо кричал:

– Почему я должен вам верить?! Он похитил мою семью!

Телефон зажужжал убедительно-вежливо: «Пожалуйста, сохраняйте спокойствие! Мы поможем вам спасти...»

– Да пошёл ты!!! – мужчина яростно швырнул мобильник, и тот разлетелся на части, оставив паутину трещин на стекле.

Острая боль пронзила руку. Глянув на правое предплечье, туго перетянутое бинтом прямо поверх одежды, мужчина досадливо повёл головой: сквозь повязку проступило тёмно-красное пятно.

– Чёрт, чёрт! – он безнадёжно стучал левой ладонью по рулю. – Не хотел же я его убивать! Не хотел!

Сердце разрывалось от отчаяния. Мысли путались, налезая друг на друга. Ещё вчера всё шло по плану. Ещё вчера! Он иступлённо стискивал зубы, поглядывая на дисплей электронных часов.

Въехав на просторный мост большой развязки, мужчина увидел в зеркале заднего вида две пары светлых точек, стремительно набирающих яркость. Ими оказались зажжённые фары двух антрацитово-чёрных джипов, мчавшихся бок о бок, будто наперегонки.

Мужчина взял правее, чтобы пропустить их, но почему-то они, поравнявшись с «Фораннером», сбавили ход и не спешили его обгонять. Это были BMW X5 и «Джип-Чероки».

Мужчина хмуро покосился в сторону.

– Какого хрена! – злобно процедил он сквозь зубы.

Тонированное стекло «Чероки» опустилось, и за ним обнаружился опасного вида человек с глубоким шрамом на щеке. Властным жестом он указал на обочину. Тем временем X5 вырвался вперёд, круто подрезал обе машины и стал плавно притормаживать перед «Фораннером».

– Какого хрена!!! – взревел мужчина, бешено вращая глазами.

Он резко закрутил руль вправо и с силой дёрнул рычаг ручного тормоза. Колёса пронзительно завизжали, и машина, кренясь, почти развернулась на всём ходу, но не вписалась и врезалась в фонарный столб. Занос усилился, и в следующее мгновение джип со страшной мощью швырнуло левым боком в ограждение.

От двухтонного удара верхняя труба перил – тонкая и лёгкая – проломилась, и машина плавно, как в замедленном видео, перевалилась через нижнюю массивную трубу, веером рассыпая осколки стекла.

Выписывая в воздухе сложный пируэт, «Фораннер» полетел вниз, на боковую одностороннюю дорогу нижнего уровня развязки. Гулко ударившись об асфальт и перекатившись через крышу, джип снова встал на колёса и вжался левым боком в бетонный забор.

Рулевая подушка безопасности выстрелила ещё на мосту. В глазах мужчины завертелось, словно он очутился в кресле умопомрачительного аттракциона. Потом хрустнуло в плече и рёбрах, сбилось дыхание, что-то обожгло лицо. Нечеловеческим усилием воли он удержал себя в сознании.

Когда удары прекратились и всё стихло, мужчина несколько секунд сидел неподвижно, уткнувшись лицом в белую ткань, обильно заливающуюся горячей алой кровью. В эти мгновения он ощутил невероятную тишину. Казалось, мир погрузился в невесомое белое облако. И сквозь это безмятежное облако багровыми всполохами пробивалась обжигающая сознание мысль: «Время!»

Мужчина поднял лицо, ободранное в кровь кусочками стекла, и шумно потянул в себя воздух, но надрывно закашлялся, харкая кровью. Переломанные рёбра острыми клыками впились в лёгкое. Вывернутая ключица топорицилась бугром, и левая рука повисла плетью.

Отщёлкнув ремень, мужчина обнаружил слева от себя бетонную стену и попытался перебраться на пассажирское сиденье, но охнул от боли, едва не потеряв сознание: ноги оказались намертво зажаты деформированным корпусом. Как же так? Неужели это конец? Ему не выбраться отсюда! И не наказать подонка. Но ведь он не может проиграть! Никак не может!

Из джипов выпрыгнули brutальные парни и сгрудились у перил. Несколько секунд они оценивали обстановку, затем кто-то гаркнул: «Едем!», и парни бросились обратно к машинам. Взвизгнув колёсами, джипы сорвались с мест.

Проехав метров сто, Х5 вдруг остановился. Задняя правая дверь распахнулась, и на дорогу прыгнул огненно-рыжий молодой человек в тёмном пиджаке. Надменно глядя перед собой, он вальяжно зашагал назад.

– Эй, любопытный! – с раздражением бросил он и пренебрежительно замахал сухонькому седому старичку, остановившему «Шевроле» у разрыва перил. – Проезжай! Пошёл, пошёл!

Х5 вновь рванул вперёд, набирая сумасшедшую скорость.

– Вы живы? – высокий худощавый парень пытался открыть замятую пассажирскую дверь джипа и с тревогой смотрел на истекающего кровью водителя.

Мужчина разомкнул веки. Неужели небеса сжалились над ним? Неужели есть ещё надежда спасти самое главное?! Он несколько секунд напряжённо вглядывался в лицо парня. Темноволосый, скуластый. Прямые широкие брови, умные карие глаза. Кажется, на него можно положиться. Но, чёрт возьми, разве есть сейчас выбор?! Ведь каждая минута на счету!

– Помоги мне, – прохрипел мужчина и снова зашёлся кровавым кашлем.

– Да, конечно! – парень суетливо шарил в карманах.

– Срочно! – мужчина, морщась от боли, дотянулся до бардачка и достал небольшую сумочку-борсетку из бурой кожи. – Это очень важно!

Опустив сумочку на пассажирское сиденье, мужчина застрочил скороговоркой:

– Здесь пакет с документами. Отвези его к аэропорту Либерти. Нужно успеть до одиннадцати часов! Адрес внутри. Деньги оставь себе. Всё, беги! Как тебя зовут?

– Бек, – парень проворно нажимал на клавиши телефона. – Сейчас вызову скорую.

– Бек! – отчаянно закричал мужчина, чувствуя, как несколько кусочков стекла, впившихся в щеку, отваливаются, обнажая новые кровавые ручейки. – Моя семья в опасности! Жена и двое детей! Они погибнут из-за этих чёртовых бумаг! Прошу, помоги мне! Не позднее одиннадцати!

Из мобильного парня донёсся приятный женский голос: «Алло, служба спасения!»

И в этот самый миг раздался гневный окрик:

– Эй! Отойти от машины!

Бек обернулся и поднял голову. Мужчина, выгнув шею, скосил глаза кверху. Стоявший у края моста парень в тёмном пиджаке надменно смотрел на Бека из-под рыжей копны волос.

– Отойди от машины! – угрожающе повторил рыжий, просовывая руку под пиджак.
– Быстрее!!! – страшно заорал мужчина, чувствуя, как вздуваются вены на шее и висках, и вдруг задёргался в конвульсиях. Его захлестнула адская, неистовая боль.

Бек убрал телефон, сунул руку в окно и сгрёб сумочку.

– Стой!!!

Сверху хлопнули подряд два выстрела, и пули звонко пробили серебристое крыло. Последнее, что отпечаталось в меркнущем сознании мужчины, роняющего голову на грудь, – стремительная фигура Бека, гепардом бегущего под мост.

2. Неделей ранее

Бек долго бежал в сумерках по узкому переулку, пока вдруг не очутился посреди безлюдной площади, над которой полыхали яркие фонтаны фейерверков. Впереди возвышалась огромная рождественская ёлка, мигающая цветными огоньками. От многочисленных салютов пахло пороховой гарью, как в новогоднюю ночь.

Остановившись, Бек оглянулся и обнаружил, что его уже никто не преследует. И тут перед ним вырос человек с накинутым на голову красным капюшоном. Он стоял, широко расставив ноги, и держал руки в карманах брюк.

Бек скрипнул зубами и сжал кулаки. Он не мог разглядеть скрытого капюшоном лица и опустил глаза на башмаки, измазанные глиной, – крепкие, на высокой подошве. «Всё ждёшь, когда кто-нибудь прочтёт твой напыщенный опус?» – насмешливо бросил человек. «Жду», – буркнул Бек сквозь зубы. «Ну, жди, жди-и-и...» – зловеще рассмеялся незнакомец, растворяясь в дыме петард.

Будильник телефона сработал в 5:00.

Бек резко сел в кровати и взъерошил волосы. Сердце сжалось в холодный комок. Он поднялся с постели и отключил сигнал вибрирующего на столе мобильника.

Дурацкий сон оставил мерзкое послевкусие. Бек упал на кулаки и стал иступлённо отжиматься, пытаясь разогнать застывшую в жилах кровь. Но тщетно – вкус горечи, прилипший к языку, не отпускал. Беку нужен был свежий воздух. Он открыл шкаф, наспех оделся и поспешил на улицу.

Он бежал по набережной Гудзона. До рассвета было ещё далеко, и небоскрёбы Манхэттена ярко светились с противоположного берега. Несмотря на ранний час, на улицах было оживлённо – уже вторая волна работающих спешила по делам. Бек глубоко вдыхал прохладный утренний воздух и резко выдыхал его короткими свистящими порциями, выбрасывая перед собой то один, то другой кулак. Спазмы постепенно отступали. Что ни говори, а бегать по утрам чертовски полезно, подумалось ему.

Вернувшись домой, он увидел на кухне колдующего над плитой длинноволосого Андрея, с которым делил апартаменты. Андрей, чем-то смахивающий на Курта Кобейна, приехал в Штаты из Москвы ещё в прошлом году и работал в мувинговой компании. Благодаря ему Бек имел возможность время от времени калымить внештатным мувером, или попросту грузчиком. Вот и сегодня они встали пораньше, чтобы осилить хороший заказ.

– Привет, чувак! – тряхнул волосами Андрей, помешивая что-то на шипящей сковородке. На нём была гранатовая майка с принтом группы Nirvana. – Куда это ты выходил?

– Привет, – Бек поднял ладонь, проходя в ванную. – Так, подышать.

Подставляя сильное жилистое тело под тёплые струи воды, он задумчиво смывал вместе с потом остатки дурного сна. Доктор был прав. Уже больше трёх месяцев Бек не принимает

лекарство, но побочные действия до сих пор не исчезли. Яркие, необычные сны всё ещё приходят к нему. Однако родители так и не вернулись.

Бек прошёл в свою комнату и стал одеваться. Наваждение улетучилось. Он ощутил облегчение, и доброе предчувствие проникло в душу. Сев к столу, он включил ноутбук. Дождавшись загрузки, открыл электронную почту и обнаружил письмо от отправителя The Creative Grant. Бек обрадованно улыбнулся – предчувствие не обмануло.

Раздался стук. Дверь приоткрылась, и в проёме появилась рокерская шевелюра Андрея.

– Чувак, завтрак готов! – бодро сказал Андрей. – Выходим через десять минут.

– Окей, иду, – бросил Бек через плечо.

Дверь закрылась. Потерев ладони, Бек щёлкнул курсором по письму. И стал читать с замиранием сердца, не веря написанному:

Представленный тобой логлайн звучит многообещающе: «В руки молодого человека попадает необычный документ, за которым охотятся очень серьёзные люди...» Правда, не совсем понятно, о каком жанре идёт речь. Это может быть что угодно – триллер, комедия, детектив. Также синопсис, который ты написал, получился весьма интригующим. Но неполным. В нём не раскрыта основная идея. В случае победы его нужно будет доработать. Мы рады сообщить, что ты успешно прошёл первый отборочный тур!

Бек в изумлении раскрыл рот и продолжил читать взахлёб:

Твои шансы многократно возросли! Следующий этап – тестирование. Оно состоится в пятницу, 13 ноября. Начало в 11 часов. Желаем удачи!

Ошалело улыбаясь, Бек смотрел сквозь монитор.

Три месяца в Америке пролетели как во сне. Временами он верил в успех, вспоминая пророчество Валы и предсказанные ею знамения, сбывшиеся таким удивительным образом. Но бывали дни, когда кто-то мерзкий и противный нашёптывал, что всё это бред и Бек придаёт слишком большое значение всякого рода случайностям.

Но вот первый рубеж успешно пройден. Шансы многократно возросли, а это значит, что ставки выросли, и Бек ощутимо приблизился к заветной цели!

Вала оказалась права. Та встреча действительно изменила его жизнь. Она разделила её на *до* и *после*.

Вечером, возвращаясь с работы, Бек купил на распродаже тёплый тренировочный костюм для утренних пробежек и стал с нетерпением и опаской ждать тринадцатое число.

3. Светлый путь

Наконец наступила назначенная пятница. Бек катил по улице на огненно-красном «Форде» семейства «Мустанг» в прекрасном расположении духа.

Его лицо озаряла светлая улыбка. Ночью, во сне, он явственно ощутил присутствие отца. Впервые за все эти долгие месяцы! Это был добрый знак, очень важный для Бека сон в руку. Тем более сегодня, в очередной судьбоносный день, когда ему предстоит новый этап борьбы за грант.

Классическая мелодия «Нокиа» вывела его из приятной задумчивости. Он выудил из кармана телефон и поднёс к уху.

– Чувак, оплату будут выдавать ближе к обеду! – раздался жизнерадостный тенор Андрея. – Так что подгребай к офису.

Часы на панели показывали 10:08.

– Тестирование начнётся в одиннадцать, – отозвался Бек. – Пожалуй, успею.

– Сегодня есть большая заявка на вторую половину дня, – сообщил Андрей. – Работы до полуночи, а то и больше.

– Я участвую! – обрадовался Бек.

– Это не всё, – продолжал Андрей. – На выходные вывалилось много заказов.

– Я в теме!

– Хорошо, – сказал Андрей. – Только учти, что ни в субботу, ни в воскресенье свободного времени не будет.

– Это радует, – Бек улыбнулся. – Time is money!

Он убрал телефон и свернул под мост. Позади на асфальт с грохотом упало нечто массивное серебристого цвета. Бек поднял глаза на зеркало и остановил машину. Обернулся в кресле и застыл на несколько секунд в оцепенении – увиденное походило на кадры зрелищного фильма.

– Что за хрень! – Бек недоумённо сдвинул брови.

На обочине односторонней дороги, с которой он только что свернул, за оседающим облачком пыли, прижавшись к бетонной стене, стоял разбитый «Фораннер». Бек заглушил двигатель и поспешил к джипу, переходя с быстрого шага на бег. Сверху раздался зычный окрик:

– Едем!

Выбежав из-под моста, Бек поднял голову и увидел парней, спешно садящихся в чёрные джипы, которые тут же рванули прочь.

Дальнейшее походило на нелепый, дикий сон. Бек хорошо запомнил окровавленное лицо мужчины, отчаянно просившего о помощи, спесивый взгляд рыжеволосого парня и обжигающие душу звуки выстрелов с моста.

Он лихорадочно схватил борсетку и в два счёта оказался под мостом. Прыгнув в «Мустанг», запустил двигатель и с силой нажал на педаль. На ходу повторно дозвонился в службу спасения и сообщил о происшествии.

Проехав пару миль, Бек притормозил у обочины и стал вытряхивать из тесной сумочки её содержимое. Внутри оказался плотный прямоугольный свёрток, туго обмотанный чёрным скотчем, кипа долларовых купюр и замаранный кровью бумажный клочок. Бек развернул бумагу и прочёл неровную запись:

«Hotel Bright Way 206 Alex Kaiser».

Он издали увидел яркую рубиновую надпись Bright Way над компактным малоэтажным зданием.

Не доехав до отеля метров сто, Бек обнаружил свободное местечко у аллеи и не мешкая припарковал машину. Это была большая удача.

Вбегая в холл, Бек налетел на выходящего навстречу щуплого блондина в плаще и едва не сбил его с ног. Блондин выронил из рук небольшой портфель.

– Простите, сэр! – Бек в один миг поднял портфель и протянул блондину.

Брюнет с аккуратными бакенбардами, развалившийся на кожаном диване в дальнем углу и говоривший по телефону, бросил на Бека цепкий взгляд. Бек покосился на девушку-консьержа, сидевшую за ресепшном, и, минуя лифт, поспешил к лестнице.

Взбежав на второй этаж, он засеменил по коридору, скользя глазами по табличкам. Дверь с номером 206 оказалась в дальнем конце и была чуть приоткрыта. Неприятное предчувствие остро кольнуло грудь. Бек огляделся и постучал. Никто не отозвался. Он толкнул дверь и осторожно вошёл внутрь.

За расстеленной кроватью светлело витражное окно. Совсем недавно в уборной распыляли освежитель воздуха. Тишину уютной комнаты нарушил гул самолёта. Номер оказался пуст. Бек с досадой посмотрел на наручные часы. Он опоздал на восемь минут.

– Ч-чёрт! – Бек поспешил обратно.

Спустившись к ресепшну, он показал девушке записку:

– Пожалуйста, помогите мне! Я ищу этого человека.

Девушка скользнула глазами по бумажке и любезно кивнула на двери:

– Вы столкнулись с ним при входе пару минут назад.

Бек бросился к выходу. Краем глаза он отметил, что брюнет, всё так же сидевший в углу на диване и разговаривавший по телефону, с интересом поглядел ему вслед.

Бек бежал по тротуару и вертел головой, ища глазами блондина в плаще.

Добежав до аллеи, где стоял его «Мустанг», он увидел людей, суетившихся над лежащим на асфальте человеком. Бек остановился в замешательстве, и страшная догадка пронзила сознание.

Это был тот самый блондин! Он лежал на животе, в луже крови. Над ним склонился парень индейской внешности. Пышная женщина с пунцовыми щеками обеспокоенно прижимала к уху телефон. Небритый и взлохмаченный исполин неопрятного вида потрясённо взмахивал руками:

– Он стрелял в упор! Прямо в сердце!

Парень-индеец присел на корточки и положил ладонь на шею блондина.

– Алло, нам нужна скорая! – взволнованно кричала женщина в мобильник. – Алло!

– Полиция нужна, а не скорая, – сумрачно промолвил индеец, поднимаясь на ноги. – Он мёртв.

Бек с ужасом смотрел в полуоткрытые глаза убитого. Казалось, на лице его застыло безразличное разочарование – то ли прожитой жизнью, то ли нелепой смертью. Люди подходили с разных сторон. Опомившись, Бек пошёл к машине. Стараясь не привлекать внимания, спокойно сел за руль и завёл двигатель. Лишь свернув за угол, он дал газу и понёсся прочь от этого злополучного места.

Вынырнув из тоннеля Холланда, Бек, нарушая скоростной режим и рискуя нарваться на копов, помчал машину по Кеннел-стрит к мосту Манхэттен. Его бросало в холодный жар от одной только мысли, что тестирование уже идет полным ходом.

Взмокший от напряжения, Бек за нереально короткое время добрался до здания фонда The Creative Grant и лихо подрулил к будке вахтёра. Опустил стекло и поздоровался с женщиной в униформе, мысленно прося: «Пожалуйста, поторопитесь, мэм!». Женщина с улыбкой воскликнула: «How are you?» и нажала кнопку пульта. Медленно поднялся красный шлагбаум, открывая въезд в паркинг.

Бек бросил машину на первом попавшемся месте и метнулся к лестнице из красного гранита. Он опоздал на целый час, и это его изрядно удручало. Ну почему именно в такой важный день, с горечью думал он, на его голову свалилась с неба чужая проблема? И какого же хрена он попёрся в этот чёртов отель? Ведь передать сумочку всё равно не удалось!

Подходя к нужной аудитории, Бек услышал доносившийся из-за приоткрытой двери голос ментора Брауна:

– В этом году наш фонд выделяет для иностранных соискателей двадцать грантов. Из двух с половиной тысяч первоначальных претендентов вас осталось лишь восемьдесят. А сегодняшний рубеж осияют только сорок человек.

Бек постучал и вошёл. Ментор Браун – высокий элегантный мужчина с заметной проседью в волосах, стоявший почти у самой двери, удовлетворённо улыбнулся.

– А это, я так понимаю, наш опоздавший? – радостно воскликнул он. – Проходите, не теряйте времени!

Ментор указал на свой стол:

– Но прежде возьмите ваше тестовое задание.

Бек прошёл к столу ментора, взял бланк со своим именем и направился к одному из свободных мест.

– Итак, – продолжил Браун, – у каждого из нас есть от рождения свой дар. У кого-то он в ногах, у кого-то в руках. Кто-то рождён, чтобы петь, кто-то – чтобы писать.

Когда все разошлись, Бек ещё минут сорок сидел над бланками в пустой аудитории. Он был глубоко признателен ментору Брауну, который терпеливо ожидал, пока Бек завершит работу. Но, с другой стороны, жутко нервничал и торопился, поглядывая на ментора, копающегося в бумагах. И оттого не был уверен, все ли вопросы теста он понял правильно.

4. Госпиталь «Крайст»

Красный «Мустанг» плавно двигался в плотном потоке машин по тоннелю Линкольна. Размазанные блики габаритных огней и стоп-сигналов тянулись ярко-красным шлейфом по глянцево-белому кафелю стен и потолка.

Одной рукой Бек удерживал руль, а другой прижимал к уху мобильник.

– Подскажите, в какой он больнице? Госпиталь «Крайст»? Спасибо!

Бек убрал телефон и посмотрел на Андрея, развалившегося на пассажирском сиденье.

– Твоей вины нет, – развёл руками Андрей. – Ты не успел, и это к лучшему. Вернёшь бумаги и всё объяснишь.

– Его семья в опасности, – угрюмо ответил Бек.

– От тебя уже ничто не зависит, – покачал шевелюрой Андрей. – Так что не парься, чувак!

Спустя час парни стояли в коридоре больницы и разговаривали с медсестрой, державшей в руках небольшую папку.

– Его прооперировали, – сообщила медсестра. – Он без сознания, в реанимации. Запишите наш телефон.

– Как его зовут? – Бек потянулся в карман за мобильником.

Медсестра заглянула в папку и прочла, запинаясь:

– Олег Ненашев.

– Надо же, – подмигнул Андрей Беку и поднял указательный палец. – Ненашев!

– Я так и подумал, – закивал Бек. – У него был русский акцент.

Выйдя из больницы, парни спустились с крыльца и направились к стоявшему неподалёку «Мустангу». Навстречу торопливо шла миловидная девушка в красном плаще. Поравнявшись с Бекон, она подняла на него большие выразительные глаза и изумлённо вскинула изящные брови:

– Бек? Это ты?!

– Диана?! – в свою очередь удивился Бек.

– Я тебя даже без очков узнала! – Диана сияла от радости.

– Я давно не ношу очки, – Бек улыбнулся. – Что ты здесь делаешь?

– Работаю волонтером от церкви.

– Слышал, ты уехала в Киев.

– Я уже третий год живу здесь. У брата.

– Диана! – послышался тоненький женский голосок.
– Иду-иду! – помахала кому-то Диана в сторону входных дверей и, обернувшись к Беку, лучезарно улыбнулась. – Мне надо бежать. Запишешь мой телефон?

Парни сели в машину. Бек запустил двигатель и передвинул рычаг коробки передач.
– А она ничего, – многозначительно промурлыкал Андрей, провожая глазами Диану, входящую в двери больницы.
– Училась на два класса младше, – улыбнулся Бек.
– Заедем домой, переоденемся, – Андрей посмотрел на часы. – Оттуда рванём на заказ.

5. Кодекс

Андрей распахнул дверь в свою комнату и сделал приглашающий жест:
– Чувак, у нас есть десять, максимум пятнадцать минут.
– Мне понадобится нож, – сказал Бек, проходя мимо плаката с Джими Хендриком и стоявшей в углу гитары.

Он звучно расстегнул молнию борсетки и вытянул из неё прямоугольный свёрток, обмотанный скотчем. Следом посыпались доллары. Бек собрал их и сунул обратно в сумочку.

Андрей достал из ящика стола красный канцелярский нож и протянул Беку. Бек выдвинул лезвие, аккуратно вспорол свёрток по периметру и извлёк из него потёртую старинную книгу в тёмном кожаном переплёте. На обложке серебрилась крупная надпись из архаичных символов, красиво покрывшихся патиной времени.

Бек раскрыл книгу. Её ветхие пожелтевшие страницы были хаотично разлинованы продольными и поперечными волокнистыми прожилками красно-коричневого цвета. По страницам бежали неровные строчки текста, выведенного причудливыми буквами. Листы были исписаны только с лицевой стороны. Обратные стороны кое-где пропитались чернилами.

– Древний манускрипт, – догадался Бек.
– Это папирус! – обрадованно вскрикнул Андрей. – Папирусный кодекс! Был изобретён в Египте.

Он улыбался так, словно получил баснословные чаевые.
– Это изобретение позволило людям распрощаться с громоздкими глиняными табличками, – говорил Андрей, захлёбываясь от азарта. – Поначалу папирус сворачивали в свитки. Но свитки оказались недолговечными и хрупкими.

– Ты хорошо осведомлён, – с улыбкой заметил Бек.
– Как-то в универе писал курсовую, – торопливо пояснил Андрей и продолжил с запалом. – В конце концов люди нашли гениальное решение! Они научились изготавливать из папируса тетради. Затем сшивали несколько тетрадей в одну книгу. И называли её кодексом. И до сих пор облик книги не меняется! Видишь, как хорошо сохранился этот манускрипт? А ведь ему наверняка не одна сотня лет!

Андрей поднёс рукопись к лицу, прикрыл глаза и с наслаждением втянул её запах.
– Пахнет древностью, – мечтательно выдохнул он.
– Из-за этого кодекса чьи-то жизни в опасности, – мрачно промолвил Бек.
– Смотри! – Андрей ткнул пальцем в текст, и Бек увидел среди нагромождения незнакомых символов отчётливо выделяющееся слово «космос».

– Удивительно! – Бек разинул рот.
– Ничего удивительного, – деловито отозвался Андрей. – Слово «космос» пришло в русский язык из греческого. В Египте до сих пор находят рукописи на греческом языке.

Парни заворожённо разглядывали рукопись, аккуратно перелистывая страницы, и нашли это слово ещё на нескольких листах.

– Похоже, тут не только греческие буквы, – сказал Бек, вглядываясь в текст.

– Возможно, это какой-то мёртвый язык, – задумчиво предположил Андрей и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. – Игорь! Нам поможет Игорь!

Бек вопросительно посмотрел на Андрея.

– Мой питерский дядя, – широко улыбался довольный Андрей. – Востоковед. Отправим ему копию рукописи!

Они наспех отсняли несколько первых страниц на цифровой фотоаппарат Андрея, и тот отправил дяде письмо.

Переодевшись в рабочую одежду, парни выехали на вечерний заказ.

Домой они вернулись к часу ночи. Помылись и сразу завалились спать, чтобы завтра снова выйти на работу.

Как и обещал Андрей, суббота и воскресенье выдались жаркими. С раннего утра и до поздней ночи парни выполняли одну заявку за другой.

День второй Тринадцатый кодекс

6. Чужой

В кабинете Джима Нортона, специального агента криминального следственного отдела ФБР, было светло и уютно. Утреннее солнце щедро вливалось сквозь незашторенные окна, наполняя помещение тёплым янтарным светом.

Джим Нортон, широкоплечий пятидесятилетний мужчина с массивной, выступающей от неправильного прикуса нижней челюстью, сидел за рабочим столом и говорил по телефону:

– Я не знал об этом. Я только что вернулся из Мэриленда. Держите меня в курсе.

Напротив Нортона сидел агент Зильбер – чуть пухлый, но весьма подвижный тридцатитрёхлетний парень с пронизательными смеющимися глазами небесного цвета и высоким сократовским лбом, увенчанным короткой причёской из кудрявых волос. Перед Зильбером на столе лежала оранжевая папка.

Убрав телефон, Нортон взглянул на Зильбера.

– Олег Ненашев, – заговорил Зильбер, передвигая папку по столу. – Шестьдесят девятого года рождения. Выходец из России, обладатель грин-карты. Снимает домик на Брайтон-Бич, где он известен под прозвищем «Чужой».

Нортон придвинул папку к себе и вынул из кармана очки.

– Женат, двое детей, – продолжал Зильбер. – Управляет торговой сетью «Всё для автомашин». Часто летал со своим боссом – Брониславом Старых – в Мексику, откуда поставлялись аксессуары и запчасти. В прошлом году погорел от последствий ипотечного кризиса и задолжал двести тысяч долларов криминальному бруклинскому дельцу по прозвищу Рамзес.

Нортон нацепил очки на нос, раскрыл папку и стал читать.

Месяц назад, во время последней совместной поездки в Мексику, Старых и Ненашев встретили на одном из рынков Тихуаны парня, украдкой предлагающего древнюю рукопись.

По словам продавца с бегающими глазами, возраст манускрипта составляет едва ли не пять сотен лет.

Старых долго и придирчиво разглядывал раритет и пришёл к выводу, что это не подделка. После утомительного торга он выложил мексиканцу три тысячи долларов. И радовался, что наконец-то нашёл достойный подарок к шестидесятилетию кузена и друга детства – профессора Стэнфорда, видного специалиста по древним текстам.

В следующую поездку Ненашев отправился один. Поставщик запчастей рассказал ему, что парня, продавшего рукопись, нашли мёртвым. И что Ненашевым и его боссом интересуются серьёзные люди. Он убедил Ненашева установить с ними контакт. И в тот же вечер организовал встречу.

В назначенное время в ресторане к Ненашеву подсели двое мужчин европейской внешности. Один из них владел английским. Между собой мужчины говорили на испанском языке.

Они представились специальными сотрудниками органов национальной безопасности Египта и сообщили, что рукопись, проданная мексиканцем, была похищена месяц назад из Каирского музея и её необходимо вернуть.

На вопрос Ненашева, почему они не обратятся в компетентные органы США, агенты ответили, что дело очень серьёзное и огласка только навредит, так как за раритетом охотится

несколько групп людей, а также некая могущественная транснациональная организация. К тому же на запрос уйдёт время, а ждать они не могут.

Агенты просили Ненашева убедить босса вернуть раритет и предложили тридцать тысяч долларов. Ненашев сказал, что это невозможно, поскольку у босса невыносимо скверный характер. Упрямый Старых никогда не меняет принятого решения. Он ни за что не продаст рукопись, так как твёрдо уверен в её подлинности. Более того, через месяц он планирует увезти её в Сан-Франциско, чтобы подарить кузену-юбиляру.

Посоветовавшись между собой, агенты предложили пятьдесят тысяч. Почувствовав их несомненную заинтересованность, Ненашев решил повысить ставки и заверил, что босс на сделку не пойдёт.

Агенты спросили, какая сумма может решить вопрос. Памятуя о долге перед свирепым Рамзесом, Ненашев обозначил сумму в двести тысяч. Агенты возмутились. Вспылив, Ненашев резко встал из-за стола, попрощался и направился к выходу, но агент, владеющий английским, догнал его, извинился и попросил вернуться и продолжить разговор.

Первый аванс – две тысячи долларов – Ненашев получил незамедлительно.

– Твои литературные отчёты читаются как главы детективных книг! – Нортон добродушно улыбнулся и перевернул страницу.

Вернувшись домой, Ненашев частично рассказал боссу о встрече с агентами и убедился, что предлагать деньги бессмысленно: Старых оборвал разговор нетерпеливым жестом. Ненашев выяснил, что босс хранит раритет дома в несгораемом сейфе.

На очередной встрече с Рамзесом Ненашев пообещал, что погасит долг в течение месяца.

Однако вскоре он изменил решение. Он надумал выкрасть рукопись и временно покинуть Штаты.

Но сначала отправил в Тихуану жену и детей и потребовал от агентов ещё пять тысяч. Агенты принесли деньги в номер отеля, в котором остановилась жена Ненашева с детьми.

В ночь с четверга на пятницу Олегу позвонил агент, владеющий английским, и сообщил, что похитил его семью. Затем передал трубку супруге Ненашева, которая, рыдая, поведала мужу, что её с детьми держат в сыром подвале, куда не проникает дневной свет, что она и дети очень напуганы.

Агент предложил Ненашеву выбор. Либо семья его погибнет, либо он раздобудет рукопись и передаст её человеку, который будет ждать его в Нью-Йорке завтра утром. Сказав, что место он сообщит дополнительно, агент цинично добавил, что в случае успеха готов не только отпустить семью Ненашева, но и дать денег на дорогу.

Разъярённый новостью, Ненашев купил билет на ближайший авиарейс до Тихуаны – на полдень пятницы.

Позже с ним связался второй агент. Он сообщил через переводчика, что его напарник переметнулся на сторону влиятельной организации, о которой они упоминали при встрече, и с её помощью похитил семью Ненашева и скрылся. Агент просил Олега соблюдать спокойствие и заверил, что обязательно поможет спасти его родных.

Ранним утром отчаявшийся Ненашев заявился в дом к боссу и вышел с ним на открытый разговор. Он вскрыл карты и стал просить Бронислава о помощи.

Но Старых был взбешён откровениями Ненашева и указал ему на дверь. Ненашев жестоко избил босса и силой заставил открыть сейф, где лежал манускрипт.

Когда Ненашев упаковывал рукопись, ему позвонил агент, похитивший семью, и продиктовал адрес и имя человека, которому нужно передать раритет. Ехать предстояло к аэропорту Либерти. Агент сказал, что выходить на связь больше не будет и дальнейшая судьба семьи целиком в руках Ненашева.

Воспользовавшись моментом, Старых достал из сейфа пистолет. В завязавшейся борьбе он прострелил Ненашеву руку. Ненашев отнял пистолет и расстрелял в Бронислава остаток обоймы. Затем выгреб из сейфа наличность.

Когда Ненашев ехал в аэропорт, ему позвонил переводчик второго агента и сообщил, что похититель скрывается в Гватемале. Он просил Ненашева не поддаваться на угрозы и прилететь с рукописью в Тихуану, чтобы вместе разыскать его семью.

Сразу после этого Ненашева настигли неизвестные на двух машинах и стали прижимать к перилам моста.

Нортон выдвинул ящик и выложил на стол пепельницу, зажигалку и пачку сигарет. Во всём отделе курящих было двое – он и Зильбер. Несмотря на запрет, оба грешили этим в своих кабинетах. Нортон щёлкнул зажигалкой и с наслаждением втянул табачный дым.

– Звонки похитителя действительно поступали на номер Ненашева с территории Гватемалы, – сообщил Зильбер и тоже закурил. – Мы срочно связались с тамошними коллегами. Гватемальские оперативники определили место, откуда исходил сигнал, – подвал заброшенного дома. Агента там не оказалось. Похищенных никто не охранял. Их доставили в наше посольство. Мы ходатайствуем об их возвращении домой.

Нортон задумчиво посмотрел в окно. Зильбер глубоко затянулся и выпустил несколько изящных колец дыма.

– Мы также обратились к коллегам в Мексике, – продолжил он. – Звонки второго агента совершались из торговых центров Тихуаны.

Нортон перевёл взгляд на Зильбера.

– Срочный запрос в Египет показал, что никаких ограблений в Каирском музее в последние годы не совершалось, – говорил Зильбер. – И никаких рукописей из него не исчезало.

Нортон вернулся к отчёту.

Парень, которому Ненашев передал рукопись, назвался Бекон. Это может быть имя, а может быть и фамилия. Ненашев не вспомнил имени адресата, только место – отель Bright Way.

В пятницу, в начале двенадцатого часа, из этого самого отеля вышел некий Алекс Кайзер – гражданин Германии, прилетевший в ночь на среду из Амстердама.

Согласно показаниям очевидцев, был убит неизвестным, отнявшим у него портфель. Кайзер имел при себе авиабилет до Франкфурта-на-Майне на 12:40. Со слов свидетелей составлен фоторобот убийцы.

Дочитав, Нортон закрыл папку.

– Полагаю, что Кайзер и есть адресат, – Зильбер стряхнул пепел. – Рукопись, судя по всему, перехвачена. Между агентами действительно мог произойти конфликт. Всё указывает на две, а то и на три противоборствующие стороны.

Нортон затушил окурок.

– На всякий случай мы тайно перевели Ненашева в окружную больницу и приставили к нему охрану.

– Лишним не будет, – Нортон встал из-за стола и прошёл к шкафу.

Зильбер тоже поднялся.

– Прогуляемся? – предложил Нортон, доставая из шкафа пиджак.

Яркие лучи апельсинового солнца пробивались сквозь полуголые ветви деревьев Сити-Холл-парка и падали на квадратные каменные плиты аллеи, по которой шагали Нортон и Зильбер.

Осмотревшись и убедившись, что поблизости никого нет, Нортон спросил вполголоса:

– Что у нас по Давнеру?

– Информатор сообщил, – тоже вполголоса заговорил Зильбер, – что, судя по всему, встреча Давнера и мэра состоится завтра.

Зильбер решительно посмотрел на Нортон. Нортон покачал головой:

– Рано.

– Но взятка принята! – настаивал Зильбер. – И разрешение на строительство уже подписано!

– Рано их брать, – отрезал Нортон.

– Мы пасём Давнера уже три месяца! – Зильбер с недоумением глядел на босса. – Доказательств достаточно!

– Три месяца? – усмехнулся Нортон и вдруг сделался серьёзным. – Я охочусь за ним уже три года!

Зрачки Зильбера расширились.

Три года назад, когда окончивший академию ФБР Зильбер только-только приступил к работе стажёром, Джим Нортон переехал из штата Мэриленд и устроился к ним в отдел. Он сразу взял шефство над несколькими парнями, в том числе и над Зильбером. Под опытным руководством Нортон Зильбер прошёл путь от стажёра до агента ФБР. Выходит, всё это время помимо наставнической и основной работы главной задачей Нортон был Давнер?

Зильбер поднял на босса восхищённый взгляд. Так тонко и умело работать сразу на несколько фронтов способен только истинный профи! Огромная честь быть его правой рукой!

Выходит, два года и девять месяцев Нортон присматривался к парням, прежде чем выбрал себе в помощники для этого особого дела именно его? Агента Зильбера переполняла гордость. Джим Нортон доверяет ему. Ещё бы! Он даже познакомил его со своим информатором, чтобы не светиться лишний раз самому. И настрого запретил обсуждать это дело чрезвычайной важности в стенах ФБР.

– Мне ответили из Испании, – хмуро промолвил Нортон. – Информация о донорских органах подтвердилась.

Нортон и Зильбер стояли на аллее друг напротив друга. «Как же повезло мне с наставником! – благодарно подумал Зильбер. – Рядом с ним материала – непаханое поле!»

– Эта сеть гораздо шире, чем мы предполагали, – сказал Нортон. – Продолжаем наблюдать.

– Вас понял, сэр! – отчеканил Зильбер.

– Мы работаем без прикрытия, – Нортон вглядывался в одинокую фигуру, появившуюся в конце аллеи. – Наши возможности ограничены. Думаю, рукопись будет тебя отвлекать.

– Я справлюсь, я смогу! – загорелся Зильбер. – Позвольте мне помимо прочих дел вести оба расследования!

Он с надеждой смотрел на босса.

В пятницу, ближе к вечеру, Зильбер случайно оказался рядом с дежурным стажёром, отвечавшим на телефонный звонок, поступивший из госпиталя «Крайст». Какой-то мужчина, вылетевший на джипе с моста и перенёсший сложную операцию, требовал срочно вызвать к нему оперативника ФБР. Он хотел сознаться в совершённом убийстве и просил спасти его семью. Поскольку к этому моменту все основные дела были выполнены, Зильбер охотно поехал в госпиталь.

Прибыв в больницу и выслушав Ненашева, Зильбер благодарил судьбу за то, что оказался в нужное время в нужном месте. Он понял, что за рукописью тянется любопытная история. Не теряя ни минуты, он рьяно взялся за дело и отлично поработал остаток пятницы и все выходные.

Он делал срочные запросы в Египет, Мексику и Гватемалу, связывался с тамошними оперативниками, собирал и анализировал информацию, случайно увидел репортаж об убийстве иностранца у отеля Bright Way и встретился с полицейскими, расследующими это дело, несколько раз беседовал с Ненашевым. Сегодня ночью Зильбер не сомкнул глаз, чтобы подготовиться к утру понедельника подробный отчёт для Нортон в своём фирменном литературном стиле. Он надеялся, что Нортон по достоинству оценит его инициативность и расторопность и позволит ему вести это дело параллельно с делом Давнера.

Нортон недовольно повёл тяжёлым подбородком. Это не сулило ничего хорошего.

– Давнер хитёр и опасен, – сказал он. – Кураторы сделали ставку на нас, и мы не можем облажаться. Избавься от дела о рукописи. Отдай его кому-нибудь из младших агентов.

Интригующее расследование, к которому Зильбер уже приложил столько усилий, уплывало прямо из рук!

– Слушаю, сэр, – обречённо вздохнул Зильбер, опуская глаза.

7. Аллегория и метафора

Несмотря на то, что в выходные Беку и Андрею не удалось выспаться из-за нахлынувшей работы, всё же от заявки, выпавшей на раннее утро понедельника, они не отказались.

Сегодняшний заказ был не из лёгких, и Андрей предусмотрительно вызвал ещё двоих муверов. Кровати, столы и комоды из натурального дерева, которое так любят зажиточные американцы, оказались громоздкими и тяжёлыми. Но парни справились блестяще. Уже к девяти часам утра они погрузили всю мебель и коробки в большой ярко-оранжевый трак, стоявший у дома заказчицы – приятной пожилой женщины, чьё имущество теперь отправится в другой штат.

Закончив работу, Бек спрыгнул с грузовика, выудил из кармана мобильник и стал искать номер. Из дома вышла довольная заказчица.

– Отличная работа, парни! – с улыбкой сказала она, раздавая двадцатидолларовые купюры. – Возьмите на чай.

Парни благодарно приняли типсы¹.

Бек нажал кнопку вызова и отошёл к припаркованному у магнолии «Мустангу».

– Госпиталь «Крайст», – раздался из телефона женский голос.

– Скажите, пожалуйста, – заговорил Бек, – как чувствует себя Олег Ненашев? Могу я его навестить?

Из трубки какое-то время доносился невнятный отдалённый разговор, затем Бек услышал:

– Сотрудники ФБР перевели его в другой госпиталь.

– И куда же? – опешил Бек. – Где теперь его искать?

– К сожалению, мы не располагаем данной информацией, – ответил голос. – Обращайтесь в ФБР.

Бек вышел из ванной, обтирая голову оранжевым полотенцем, и услышал экспрессивные гитарные риффы, доносившиеся из комнаты Андрея сквозь распахнутую дверь. Андрей одержимо потряхивал волосами в такт аккордам. Бек с завистью посмотрел на его длинные пальцы, ловко бегающие по грифу, и грустно вздохнул.

– Чувак! – просиял Андрей, поднимаясь с кровати, и поставил гитару в угол. – Я прокачал тему!

Андрей кивнул на раскрытый на столе ноутбук.

¹ Чаевые (англ.).

– И что нарыл? – спросил Бек, переворачивая полотенце.

Андрей встал в проёме и, скрестив руки на груди, прислонился плечом к дверному косяку.

– Не так давно один из европейских фондов древнего искусства выкупил из частной коллекции папирусный кодекс за два миллиона евро! – Он выразительно поглядел на Бека и распевно повысил голос. – Прикинь!

– Солидно, – с интонациями в тон Андрею протянул Бек.

– Позже появился его нашумевший перевод – «Евангелие от Иуды». Так что твоя рукопись может оказаться дорожкой реликвией! – Андрей заговорщически улыбнулся и тряхнул патлами. – А?

Бек прищурился и покачал головой:

– Пожалуй, в ФБР мне не стоит торопиться. Я же не знаю, каким боком вылезет эта рукопись. Вдруг она экстремистская? Да и дело тут мокрое.

– Конечно, не стоит! – отчего-то развеселился Андрей.

– Наверное, мне лучше избавиться от кодекса, – задумчиво сказал Бек.

– Да ты что! – брови Андрея поползли вверх и скрылись под лохматой чёлкой.

– Эти люди опасны, – Бек уставился в неведомую даль, потирая пальцами лоб. – Не сумев отнять рукопись у Ненашева, они убили Алекса Кайзера. Они способны на всё.

– Да брось! – махнул рукой Андрей. – Не накручивай. Нью-Йорк огромный город. Вряд ли ты когда-нибудь встретишь этих парней.

– Думаешь?

– Чувак, в твоих руках древний артефакт, который может сделать тебя богатым! – Андрей смотрел на Бека с непониманием и укоризной. – О таком можно только мечтать! И плевать, что за ним охотятся убийцы и агенты ФБР!

– Но если ФБР перевело Ненашева в секретную больницу, значит, оно на его стороне? – продолжал рассуждать Бек. – Может, всё-таки явиться к ним с рукописью?

Андрей успокаивающе улыбнулся и сказал:

– Дождёмся ответа Игоря.

Бек на секунду задумался и согласно кивнул:

– Пожалуй, ты прав. Совет эксперта нам не помешает. С ФБР можно повременить. Но в любом случае не стоит хранить эту рукопись дома. Слишком опасная мишень. И денег этих кровавых лучше не брать.

Бек сбросил полотенце с уже почти сухих волос на плечи.

– Ладно, я в душ, – сказал Андрей, возвращаясь в комнату. – Сегодня твоя очередь готовить.

Бек стукнул яйцо о край стоявшей на огне сковороды и разломил скорлупу. На сковороду упал оранжевый желток. Бек разбил ещё одно яйцо.

Висевший на стене телевизор транслировал репортаж об атлантических ураганах две тысячи девятого года. Раздался звонок. Бек вышел в прихожую и отворил дверь.

В подъезде стоял курьер в оранжевой униформе.

– Привет! – курьер дружелюбно улыбнулся и, запинаясь, с трудом прочёл имя на бланке. – Мне нужен Бекбулат.

– Привет, – Бек улыбнулся в ответ. – Бекбулат – это я.

– Окей, – курьер уважительно склонил голову и вручил Беку оранжевый конверт с логотипом «The Creative Grant». – Моё почтение!

Бек вернулся на кухню, выключил газ под глазуньей и прошёл в свою комнату. На ходу нетерпеливо вскрыл конверт и развернул сложенный лист бумаги.

Поздравляем тебя, Бекбулат! Ты успешно прошёл второй отборочный рубеж и вышел в финальный тур!

– Й-е-ссс!!! – громко и радостно вырвалось из груди. Бек выронил листок и сделал молниеносный выпад в центр комнаты, выбрасывая красивую боксёрскую «двоечку».

Он вернулся к бумаге. Его живые пытливые глаза жадно бежали по строчкам. На лице застыли ошеломление и восторг.

Тест выявил в тебе хороший потенциал! Определённо, в школе ты писал неплохие сочинения.

Бек задумчиво улыбнулся. Он вспомнил случай из школьной жизни, когда учительница русского языка и литературы вошла в класс, потрясая над головой двумя тетрадами, и гордо возвестила: «Илья и Бекбулат прославили нашу школу! Их сочинения напечатают в газете!» Тогда весь класс аплодировал стоя – Илье и Беку-очкарику, сидевшим за одной партой.

Бек продолжил читать. Его лицо стало сосредоточенным и серьёзным.

Твоё финальное задание будет одновременно простым и сложным. Составь краткую записку о Слове. Возьми за основу любую широко известную фразу или афоризм, метафору или аллегорию и взгляни на неё под новым, непривычным углом зрения, позволяющим открыть в ней новый смысл!

Убеди нас, что именно ты достоин гранта!

Мы должны быть уверены, что в дальнейшем ты сумеешь изложить свою историю так, чтобы она выходила за рамки национальных и культурных границ и могла быть понятна разным людям.

Задание нужно выполнить до конца текущей недели.

Желаем удачи!

Бек воодушевлённо потёр ладони, сел за ноутбук и забил в поисковик слово «метафора». Высыпалось два миллиона семьсот тысяч ссылок. Бек ткнул наугад одну из них и стал читать вслух:

– Метафора – это скрытое сравнение, часто поэтическое. Например, у Есенина: «Отговорила роща золотая...» Или у Ахматовой: «Пустых небес прозрачное стекло...»

Бек открыл блокнот и записал: «метафора». Затем ввёл в поисковую строку слово «аллегория». Ссылок на сей раз оказалось на миллион меньше.

– Аллегория – это олицетворение абстрактного в конкретном, – читал Бек. – Например, лиса – аллегория хитрости, а старуха с косой – аллегория смерти.

В блокноте добавилась новая запись.

8. Инь и Ян

Помимо финального задания, в оранжевом конверте обнаружился компакт-диск с нанесённым на него изображением:

Бек вставил диск в дисковод и щёлкнул всплывшую иконку.

– Вам наверняка знаком символ двух космических начал, – послышался голос ментора Брауна, в то время как на мониторе плавно вырисовывался чёрно-белый круг «Инь-Ян». – Чёрная и белая рыбки перетекают одна в другую, и каждая несёт в себе крохотную частичку противоположного начала. Чтобы понять, как использовать принцип двойственности при создании текстов, давайте представим две половинки единого круга в виде двух стихий – воздуха и воды.

На экране появилась безбрежная, покачивающаяся с лёгким плеском водная гладь, по которой скользили яркие блики солнечного света. Из волн вынырнул объёмный стеклянный стакан, полный воды, и взмыл над океаном.

– Если зачерпнуть воду из нашего океана, – продолжал голос Брауна, – и поднять её в воздух, то легко заметить, что вода послушно принимает форму сосуда. И мирно в нём покоится.

Стакан, поднявшись на приличную высоту, перевернулся, и вода выплеснулась, рассыпаясь жемчужинами крупных и мелких капель.

– Но стоит освободить её от оков, как она тут же примет форму шара и устремится вниз, к своей стихии, – говорил голос ментора.

Когда все капли упали в воду, перевёрнутый стакан направился следом и нырнул в пучину океана. Камера последовала за ним, и Бек увидел водный мир, в который всё глубже опускался стакан с воздухом.

– Прodelывая противоположный эксперимент, перевернём тот же сосуд и погрузим в океан порцию воздуха, – объявил голос. – Он так же послушно принимает форму своей темницы.

Стакан вновь перевернулся, и из него выпрыгнул большой упругий пузырь и, дробясь на более мелкие пузырьки, стал просачиваться сквозь воду плавными струйками.

– Но как только мы предоставим воздух самому себе, – вновь послышался голос Брауна, – он также обратится в шар и, протискиваясь сквозь толщу воды, направится вверх по кратчайшему пути. Ему, попавшему в чуждую среду, не нужны ни карты, ни компасы, чтобы найти дорогу домой. Он безошибочно вернётся туда, где воздух. Туда, где много воздуха. Туда, где весь наш воздух.

Экран разделился пополам волнистой линией соприкосновения двух стихий. Сверху медленно падал водяной шар, а снизу, как отражение, поднимался воздушный пузырь.

– Подобное тянется к подобному, – доносилось из динамика ноутбука. – В нашем случае капля, падающая в океан, и пузырёк, вздымающийся из пучины, неизбежно возвращаются к изначальным стихиям.

Картинка на мониторе пришла в круговое движение. Воздух и вода плавно закручивались в спираль, образуя символ «Инь-Ян», а капля и пузырёк, подхваченные вращением, превратились в тёмную и светлую точки.

Послышался стук, и в дверь просунулась мокрая голова Андрея.

– Чувак, глазунья уже остыла, – сообщил он. – Лично я чертовски голоден.

Бек спохватился и бросил взгляд на часы, висевшие над дверью. Встреча с Дианой была назначена на полдень. Времени оставалось катастрофически мало.

– Пожалуй, тебе придётся обедать одному, – Бек торопливо встал из-за стола и открыл шкаф.

В третьем часу пополудни Бек и Диана катили на «Мустанге» по Лонг-Айленд-Сити, направляясь в сторону тоннеля Куинс – Мидтаун.

– Сначала я пожалела, что не пошли на комедию, – с улыбкой говорила Диана.

Бек безучастно смотрел на дорогу.

– Слава богу, всё закончилось хэппи-эндом! – облегчённо вздохнула она.

Он отрешённо молчал.

– Бек, – осторожно позвала Диана.

Тот ясный июньский день шестилетний Бек и его родители провели на берегу широкой реки.

Отец наломал сильными руками плоских свинцовых решёток аккумулятора в пустую консервную банку и расплавил свинец над огнём.

Бек и мама с интересом наблюдали за тем, как отец выливает серебристую жидкость в овальное углубление в земле. «Грузило почти готово», – отец потрепал Бека по макушке. Бек восторженно захлопал в ладоши: «У меня будет своя удочка!» Мама улыбнулась, и на её округлом, как полная луна, лице показались красивые ямочки.

Во взгляде Бека появилась одержимость. Впереди на светофоре загорелся красный свет. «Мустанг» двигался к перекрёстку, не сбавляя хода.

– Бек? – недоумевающе произнесла Диана, переводя взгляд со светофора на его лицо. – Ты в порядке?

В тот день Бек поочерёдно сдавал родителям «экзамены».

Сначала отцу – выбрасывая по лапам боксёрские «двочки».

– Сосредоточься! – взбадривал отца, когда удары Бека получались недостаточно хлёсткими. – Будь цельным, сынок! Мужик начинается с духа. Нет духа – нет мужика!

А потом и маме – выразительно читая вслух книгу. Мама с гордостью слушала сына, изредка поправляя неверные ударения, а отец благодарно улыбался маме.

Бек стиснул челюсти. Его глаза заволокла пелена скорби.

– Бек, – встревоженно сказала Диана. – Что с тобой?! Бек!

«Мустанг» на всём ходу влетел на перекрёсток на красный свет. Справа наперерез мчал оранжевый грузовик. Диана зажмурилась, инстинктивно прикрываясь руками, и пронзительно закричала:

– Бе-е-ек!!!

Раздался мощный сигнал, завизжали тормоза. «Мустанг», drifting, ушёл влево. Грузовик, резко вильнув, опасно качнулся и с рёвом пронёсся в нескольких дюймах от «Мустанга».

Машина встала у обочины. Бек сидел, упёршись лбом в руль. Диана ошарашенно глядела на Бека. Он устало поднял веки и повернул к ней лицо.

– Прости, – сказал он охрипшим голосом. – Этот фильм... Он напомнил мне о родителях.

Домой возвращались в сумерках.

Их белый «москвич» въехал на перекрёсток на зелёный сигнал светофора. Отец и мама сидели впереди, а Бек сзади. Несущийся слева оранжевый автобус врезался в «москвич» и опрокинул его в сточный бетонный арык.

– Мы возвращались домой, – снова заговорил Бек, вырuling с обочины, – и нас ударил автобус. Водитель автобуса уснул за рулём. Родители скончались на месте, а я чудом остался жив. Только зрение нарушилось.

Глаза Дианы наполнились грустью.

– Мне очень жаль, – сказала она и потупила взгляд.

– Я переехал жить к бабушке, – Бек тепло улыбнулся, вспомнив лучистое, изрезанное глубокими морщинами лицо добрейшего на свете человека. – А спустя год она умерла.

– У тебя есть братья или сёстры? – спросила Диана.

– Родных нет, – Бек покачал головой, – но зато много двоюродных по линии мамы. Отец мой – детдомовский, и с его стороны никого. У бабушки я был самым младшим из тринадцати внуков, которые часто гостили в её доме.

– Выходит, у тебя двенадцать братьев и сестёр? – заключила Диана.

«Мустанг» влился в поток машин, въезжающих в тоннель. Бек перевёл взгляд с дороги на Диану.

– После смерти бабушки со мной в её доме стали жить один из старших братьев и его жена.

Вопреки опасениям Бека место в паркинге нашлось довольно быстро. Оставив машину, Бек и Диана прошли в башню Рокфеллер-центра и встали в очередь за билетами на смотровую площадку Top of the Rock, расположенную на крыше.

– Давно мечтала сюда попасть, – сказала Диана, сияя. – Говорят, отсюда виды лучше, чем с Эмпайр-стейт-билдинг.

– Небо и солнце здесь совсем не такие, как в городе, – Бек грустно вздохнул. – Мне очень не хватает наших гор.

Диана восторженно оглядывала небоскрёбы Манхэттена с открытой площадки семидесятого этажа. В её распахнутых глазах цвета янтаря читалась детская радость.

– Как красиво! – нараспев сказала она и посмотрела вверх.

В сине-бирюзовом небе ярко светился раскалённый огненный шар, окаймлённый тонким радужным ореолом.

– Солнце здесь и правда особенное! – изумлённо воскликнула Диана.

– Древние египтяне называли Солнце глазом бога, – сказал Бек, щурясь на слепящее светило.

– А небо! – улыбнулась Диана. – Какое синее небо!

– Лицо Тенгри, – едва слышно промолвил Бек, запрокинув голову.

Насладившись видами, открывающимися с башни Рокфеллера, Бек и Диана спустились в Центральный парк.

– Мой нынешний год совсем не похож на все прошлые, – говорил Бек, шагая по аллее. – Тридцать третий день рождения начался с бессонной ночи.

Диана понимающе закивала.

– Ты вступил в возраст Христа, – сказала она. – Это особенный возраст.

– В ту ночь я вспоминал всё, о чём когда-то мечтал, – задумчиво поведал Бек. – И сделал важное открытие.

Её глаза улыбнулись из-под каштановой чёлки.

– Кажется, у тебя день рождения под Новый год? – уточнила она.

– Двадцать пятого декабря, – подтвердил Бек.

Она остановилась и восхищённо посмотрела ему вслед.

– Ты родился в Рождество?!

Бек тоже остановился и обернулся к Диане.

– Меня вдруг осенило, что каждому из нас отпущено своё время солнца, свои четыре сезона, – сказал он. – Весна, лето, осень и зима. Если разделить средние восемьдесят лет нашей жизни на это время, то получится, что каждый сезон длится примерно двадцать лет и зенит солнца приходится на сорок. Поэтому сорокалетних называют достигшими расцвета. И я вдруг увидел, что мои тридцать три – это ещё не середина жизни, не пик солнца, но уже самый пик моего лета и молодости, а я до сих пор не сделал ни шагу навстречу мечте.

Бек и Диана ехали по Бруклинскому мосту. Красно-жёлтое солнце, клонившееся к горизонту, играло многочисленными бликами в водах Ист-Ривер.

– Время солнца, – улыбнулась она. – Красиво подметил.

– К сорока годам лето моё кончится, – оживился Бек, – и начнётся сентябрь. А там... Солнца будет всё меньше, каждый день будет всё короче и прохладнее. И в шестьдесят подкрадётся зима.

Диана задумчиво смотрела на дорогу.

– В ту ночь я словно прозрел, – сказал Бек. – И в тот же день начал писать книгу.

– Ух ты! – глаза Дианы раскрылись в удивлении.

– А летом прилетел в Америку и три месяца усиленно подтягивал английский, чтобы подать заявку на «Творческий грант для иностранцев».

– «Творческий грант»? – Диана словно не верила услышанному.

– И сегодня мне сообщили, что я вышел в финальный тур.

– Вау! Супер! – её лицо озарилось изумлённой улыбкой. – Поздравляю! Ты пишешь книгу на английском языке?

– Нет, что ты, – махнул рукой Бек. – Но если мне удастся выиграть грант, мою книгу *переведут* на английский.

– То есть она уже написана?

– Не совсем, – уклончиво ответил Бек.

– Я бы хотела прочесть её, когда она будет готова!

– Хорошо.

Бек покачал головой.

– Подумать только, – сказал он. – Пятнадцать лет я работал в столярной мастерской и был уверен, что нашёл своё призвание.

– Ты работал с древесиной?! – почему-то удивилась Диана.

– Да.

– Какие интересные совпадения! – она загадочно улыбнулась.

Тем временем «Мустанг» подкатил к ярко-оранжевому зданию с броской надписью: «Дом молитвы „Спасение“».

– За пятнадцать лет я неплохо освоил ремесло столяра, – сказал Бек, въезжая на просторную парковочную площадку. – Накопил денег, восстановил зрение. Но в конце концов понял, чего хочу на самом деле.

В лучистых глазах Дианы вспыхнула догадка.

– Ты должен прийти к Богу! – возбуждённо заговорила она. – Все эти знаки... Они не случайны!

Диана указала на дом молитвы:

– Завтра в нашей церкви альфа-курс для новичков! Приходи! Я тебя приглашаю! Ты наверняка исповедуешь ислам, но ведь...

– Я не исповедую ислам, – с улыбкой перебил её Бек, качая головой. – И никакую другую религию не исповедую. Мои древние тюркские предки поклонялись Тенгри – вечному небу.

Бек подрулил ко входу в здание.

– Все религии по сути говорят об одном и том же Боге, – сказал он.

– Значит, мы договорились? – красиво улыбнулась Диана. – Жду тебя здесь завтра вечером!

Она потянула ручку и открыла дверь.

– Спасибо за чудесное время! – её глаза сияли в полутьме как два огромных бриллианта. – А сейчас мне надо бежать на вечернюю молитву.

– Я хочу попросить тебя об одном одолжении, – сказал Бек. – Могла бы ты узнать для меня кое-что?

– Что именно? – ресницы Дианы широко распахнулись.

– В пятницу в вашей больнице оперировали пострадавшего в аварии мужчину. Но потом куда-то перевезли.

Диана внимательно слушала Бека.

– Дело в том, что я был свидетелем аварии, и этот мужчина просил меня ему помочь. Я пытался, но не смог выполнить его просьбу. Мне нужно сообщить ему об этом.

– Хорошо, я разужнаю всё, что смогу. Как его имя?

9. Шестнадцать веков

Двигая массивной челюстью из стороны в сторону, Джим Нортон вошёл в кабинет главы криминального следственного отдела ФБР и двинулся к столу переговоров, за которым рядом с его боссом – солидным и седовласым Ником Стоуном – сидели ещё трое мужчин, двоих из которых Нортон раньше не встречал. На столе лежал оранжевый пластиковый файл.

– Знакомьтесь, это специальный агент Джим Нортон, – представил вошедшего Ник Стоун и обернулся к Нортону. – А это наши гости из Египта. Эксперт по делам культуры и древностей Джамиль Махфуз и наш коллега, сотрудник госбезопасности Лихам Дарид.

Третий из посетителей – переводчик-полиглот с низким голосом – бегло перевёл гостям слова Стоуна. Гости поднялись из-за стола и дружелюбно поздоровались с Нртоном. Лихам Дарид оказался высоким и худощавым, а Джамиль Махфуз был тучным и носил очки. Обменявшись рукопожатиями, мужчины сели за стол.

– Верно ли, что агент Зильбер делал в минувшую пятницу запрос в Египет на предмет кражи из Каирского музея некой рукописи? – уточнил Ник Стоун.

– Так точно, сэр, – сказал Джим Нортон.

– Наши гости прибыли по весьма важному делу, – сообщил Стоун. – Оно требует серьёзного рассмотрения.

Стоун передвинул по столу оранжевый файл. Нортон вынул из него пачку старых чёрно-белых фотографий и полез в карман за очками.

На нескольких снимках были запечатлены ветхие рукописи. Затем Нортон увидел фото улыбающегося мужчины в очках с толстыми линзами, позирующего со старинной книгой в руках. Последний из снимков – девятый, как отметил Нортон, – был цветной и свежий: та же старинная книга крупным планом в чьей-то смуглой руке. Кожаный переплёт украшала потемневшая серебристая надпись.

Джамиль Махфуз поправил очки и заговорил по-арабски. Воздух в ушах Нортон завибрировал от бархатного баритона переводчика:

– В тысяча девятьсот сорок пятом году египетский крестьянин Мохаммед Али Самман добывал в окрестностях деревушки Наг-Хаммади нитратную почву для удобрения...

У подножия горы, усеянной огромным множеством пещер, он раскопал метровый, наглухо запечатанный глиняный кувшин. Разбив его, Мохаммед Али обнаружил древние папирусные книги в кожаных переплётах, – кодексы.

Всего их оказалось тринадцать. Часть из них Мохаммед Али продал бандиту, часть – антиквару, а что-то было использовано его матерью для растопки огня в очаге. Так гласит официальная версия.

Когда власти Египта узнали о находке и объявили найденные манускрипты национальным достоянием, рукописи уже оказались на чёрном рынке. Один из кодексов был вывезен из Египта в Европу и попал в коллекцию Карла Густава Юнга, однако впоследствии был возвращён в Каир.

Кодексы изымались и передавались в Каирский коптский музей, так как были написаны на коптском языке. Находку стали называть «Библиотека Наг-Хаммади». Далеко не сразу учёные осознали ценность этих манускриптов.

Большинство текстов представляют собой так называемые гностические произведения периода раннего христианства. Некоторые из них дошли до нас в единственном экземпляре. Многие века Церковь преследовала гностиков, сжигая в кострах их книги и их самих. Учение это рассеялось по миру и почти исчезло. А после обнаружения находки вспыхнуло с новой силой.

Позже один из найденных кодексов – «Евангелие от Фомы» – произвёл большую сенсацию. Речи Христа в этом апокрифе сильно отличаются от тех, что приведены в канонических Евангелиях Нового Завета. Ватикан и основные христианские течения отказались признавать подлинность текстов «Наг-Хаммади» и назвали находку еретической.

– Слышали ли вы что-нибудь о так называемом источнике Q? – осведомился Джамиль Махфуз.

Стоун, чуть подумав, отрицательно покачал головой.

– Кажется, я что-то слышал об этом гипотетическом источнике, – сказал Нортон.

– Да, именно! Гипотетическом! – оживился Джамиль Махфуз и одобрительно посмотрел на Нортон.

Он заговорил быстрее, то и дело поправляя съезжающие на нос очки. Переводчик едва поспевал:

– Этот источник пока не найден, но исследователи не сомневаются в его существовании. Анализ показывает, что евангелисты Нового Завета – Лука и Матфей – составляли свои тексты, основываясь на Евангелии от Марка, а также на неизвестном Евангелии, которое учёные назвали «источником Q». После обнаружения «Евангелия от Фомы» кое-кто поспешил объявить его тем самым «источником». Однако впоследствии учёные отвергли эту гипотезу.

Джамиль Махфуз замолчал, и в разговор вступил Лихам Дарид. Выпрямив спину, он положил ладони на край стола, словно берясь за крышку пианино, и заговорил по-арабски, заглядывая попеременно в лица Нортон и Стоуна.

– В семьдесят девятом году, – вновь зазвучал хрипловатый, проникновенный голос переводчика, – в возрасте шестидесяти лет Мохаммед Али Самман скончался от туберкулёза. За несколько месяцев до смерти он поведал сыну историю «тринадцатого» кодекса.

В отличие от Джамии Махфуза, Лихам Дарид говорил спокойно, обходясь без жестов, с почти неподвижным лицом.

– Оказалось, Мохаммед Али скрыл часть правды от исследователей. Одна из найденных им книг заметно отличалась от остальных...

Во-первых, она оказалась тоньше и компактнее других. Во-вторых, у неё была самая добротная кожаная обложка, да ещё и с серебряной надписью. И в-третьих, страницы этой рукописи сохранились гораздо лучше остальных.

Мохаммед Али продал этот особенный кодекс вместе с несколькими другими бандиту по имени Бахиж Али за двадцать египетских фунтов. По тем временам это составляло около восьмидесяти долларов США. Когда началась шумиха и власти стали изымать рукописи, Бахиж Али заявился к Мохаммеду Али Самману и, доплатив ещё десять фунтов, взял с него слово молчать об этом особенном кодексе.

Бахиж Али вырезал часть страниц из самого толстого кодекса, который впоследствии назовут «шестым», и передал их властям гораздо позже остальных – под видом недостающей книги. Чтобы помочь ему запутать следы, Мохаммед Али Самман придумал байку о том, что некоторые страницы и обложки были вырваны из кодексов его матерью – для разжигания огня.

Спустя годы при изучении текстов учёные обнаружили подвох, однако официально уже было заявлено, что эта вырезка совершена ещё в древности и можно считать вырезанный фрагмент отдельным кодексом. Так одна из рукописей исчезла из поля зрения учёных. В результате сегодня «тринадцатым» кодексом ошибочно именуют несколько страниц без переплёта – те самые, что Бахиж Али вырезал из «шестого».

Некоторые прозорливые исследователи в разное время поднимали в печати вопрос о недостающем манускрипте, однако из-за отсутствия каких-либо достоверных сведений все попытки докопаться до истины сходили на нет, порождая слухи и домыслы. Одни говорили, что подлинный тринадцатый кодекс был сожжён в очаге матерью Мохаммеда Али, другие утверждали, будто он находится в частной коллекции и недоступен научному сообществу, а третьи полагали, что был ещё один кодекс, четырнадцатый!

Правда, открытая Мохаммедом Али сыну, стала распространяться и достигла властей. Власти попытались разыскать недостающую рукопись. И хотя к тому времени бандита Бахижа Али уже не было в живых, удалось установить, что в конце сороковых он продал какой-то манускрипт скупщику древностей, некоему Альфреду Маларди, покончившему жизнь самоубийством при невыясненных обстоятельствах.

Маларди успел перепродать кодекс Томасу Малко. Тот, в свою очередь, продал его журналисту Питеру Волкеру, прежде чем сгинул сам. Жизнь Питера Волкера, скорее всего, тоже закончилась трагически – он исчез в семьдесят пятом году. Его знакомые вспоминали, что незадолго до исчезновения Питер говорил, что готовит к публикации какие-то сенсационные материалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.